

Украинская кампания и развитие новых оперативных тенденций

Алексей А. Кривопалов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия,

krivopalov@centero.ru

Аннотация: открытое военное противостояние Киева и Москвы не просто опрокидывает привычный ход международных отношений на постсоветском пространстве, но вынуждает политическую науку осваивать смежные предметные области с целью лучше понять происходящее. Одной из таких тем является проблема установления на Украинском театре относительно стабильной линии фронта, внимательное изучение которой способно дать военным теоретикам богатую пищу для размышлений и скорректировать устоявшиеся представления о военном искусстве. Весьма вероятно, на постсоветском пространстве зарождаются и постепенно оттачиваются новые оперативные формы, осмысление которых пока ещё остаётся делом неопределённого будущего.

Ключевые слова: Россия, армия, Украина, внешняя политика, стратегия, международные отношения

Для цитирования: Кривопалов А.А. Украинская кампания и развитие новых оперативных тенденций. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(3):338–353. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-338-353>

Статья поступила 04.06.2022

Принята в печать 10.08.2022

Опубликована 30.09.2022

The Ukrainian Campaign and the Development of New Operational Trends

Alexey A. Krivopalov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

krivopalov@centero.ru

Abstract: Ongoing hostilities between Kiev and Moscow overturns the usual course of international relations in the post-Soviet space. It also forces political science to master related subject

areas to figure out what is going on. A relatively stable frontline is one of this. This encourages discussing issues of military theory or recent military experiences. Highly likely new operational forms are emerging in the post-Soviet space, the comprehension of which is still a matter of an uncertain future.

Keywords: Russia, army, Ukraine, foreign policy, strategy, international relations

For citation: Krivopalov A.A. The Ukrainian Campaign and the Development of New Operational Trends. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):338–353. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-338-353>

Received 04.06.2022

Revised 10.08.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

В сообществе отечественных политологов бессмертный афоризм К. фон Клаузевица «*Der Krieg ist eine bloße Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln*» в силу корпоративных предубеждений никогда не был особенно популярен. Тем сильнее оказался шок, пережитый экспертами, изучающими постсоветское пространство, когда в ночь на 24 февраля 2022 года Украина неожиданно перестала быть проблемой российской внешней политики. Затяжной конфликт достиг точки взрыва, после чего любые соображение, кроме оперативно-стратегических, на неопределённое время утратили всякое значение.

Восстановление связи с реальностью потребует от политической аналитики иного исследовательского ракурса, начинающегося с откровенного признания в том, что будущее постсоветского пространства будет напрямую определяться итогами Украинской кампании. Всякие рассуждения о «мягкой силе» и дипломатии, об институциональных рамках международных отношений сегодня, по сути, редуцируются до анализа конкретных фактов боевой обстановки.

Открытое военное противостояние Киева и Москвы породило не меньшее число

вопросов, чем предшествовавший период политико-дипломатического противостояния. Неожиданностью для многих стало как отсутствие молниеносной российской победы, так и установление на Украинском театре относительно стабильной линии фронта. Статичное позиционное равновесие более напоминало Первую мировую войну, Гражданскую войну в Испании и бесконечную сирийскую междоусобицу, нежели Вторую мировую войну или хронологически близкий американский блицкриг против Ирака весной 2003 г. Реинкарнация столь архаичных оперативных форм казалась невероятной при столкновении крупных регулярных армий XXI столетия.

Маневренная фаза, вопреки превосходству российских ВКС в воздухе, богатству технического оснащения «второй армии мира» и относительной малочисленности войск, задействованных на столь обширном театре, продлилась немногим более одной недели. Этот первоначальный маневренный период не дал окончательного решения и привел лишь к перемещению сторон в пространстве. Открытым остаётся вопрос, почему, несмотря на исправление ошибки первоначального развертывания,

прекращение осады Киева, Харькова и Николаева, уменьшение общей протяженности фронта и переключение основного внимания российского командования на Донбасс, наступательным операциям не удалось вернуть былой динамизм.

ПОЗИЦИОННЫЙ ТУПИК В XXI СТОЛЕТИИ

Бинарная оппозиция «позиционный — маневренный», подобно смысловому стержню, пронизывала военное искусство в эпоху тотальных конфликтов XX в. Позиционность не тождественна полной неподвижности на поле боя. Однако если ежедневное продвижение исчисляется в лучшем случае сотнями метров, глубокие прорывы становятся невозможными, противника сложно отрезать от линий снабжения или вынудить к беспорядочному отходу. Обозначившиеся на штабных картах окружения долгое время остаются незамкнутыми. Наступающий вынужден медленно крошить узлы обороны и постепенно выдавливать противника с занимаемой территории. Весенне-летняя битва за Донбасс изобиловала подобными примерами. Такая кампания ведётся методом не сокрушения, но измора [1]. Чаще всего поражение терпит тот, кто не может справиться с нарастающим материальным и морально-психологическим истощением.

Словосочетание «маневренная война» обычно вызывает ассоциации с глубокими операциями Красной армии 1944–1945 гг. Вбирая в себя миллионы человек, тысячи танков, самолётов и орудий, они сопровождались значительными пространственными колебаниями линии фронта. Успешные наступления в годы Второй мировой войны предусматривали продвижение со скоростью несколько десятков км в сутки.

Технологический прогресс последних десятилетий сделал возможным ещё более стремительные темпы наступления. К при-

меру, в ходе похода на Багдад весной 2003 г. американские войска преодолели 350 км менее чем за 40 часов. Только за первый день наступления передовые части 3-й механизированной дивизии прошли около 240 км. Средняя маршевая скорость подразделений временами достигала 38 км/ч [2, р. 116]. Всего лишь три недели потребовалось США для полного разгрома армии Саддама Хусейна и взятия 5-миллионной столицы. Неудивительно, что российские и зарубежные эксперты, предсказывавшие ВСУ столь же быстрое крушение, испытали недоумение, когда спустя всего неделю после перехода границы продвижение российской армии, по существу, приостановилось.

В Первую мировую войну образованию фронта способствовало ярко выраженное превосходство обороны над средствами наступления. Траншеи, колючая проволока и бетонированные огневые точки казались непреодолимым препятствием для атакующей пехоты. Лишь появление у Антанты танков и переход немцев к тактике штурмовых групп наметил выход из тупика окопной войны [3].

Дальнейшее развитие крупнейших армий мира шло по линии роста их моторизации. В годы Второй мировой войны самостоятельные мобильные соединения позволяли сокрушать фронт практически любой оборонительной плотности. Эпизодически возникавшие позиционные кризисы как правило объяснялись неспособностью артиллерии надежно подавить противотанковую оборону противника на участке атаки. Без поддержки бронетехники пехота могла действовать далеко не всегда.

По всей видимости, осмысление новых оперативных тенденций в перспективе потребует от военной науки иных описательных категорий и, подобно ситуации 1920–1930-е гг., породит принципиально новый понятийный аппарат. Пока же

мы вынуждены пользоваться определениями, сформулированными и кодифицированными без малого столетие назад [4, 5, 6, 7, 8].

Конечно, стратегический фронт на Украине сильно отличается от реалий обеих мировых войн. Он существует скорее в форме более или менее условной линии, с пересечением которой наступающий обнаруживается средствами технической разведки и оказывается в зоне эффективного огневого поражения. За исключением сектора в районе Донецка, где ВСУ окапывались с 2014 г., у противника отсутствуют долговременные оборонительные рубежи. Оборона опирается на отдельные очаги сопротивления вокруг крупных населённых пунктов, между которыми имеются значительные оперативные пустоты. Выставленные с обеих сторон тонкие завесы войск скорее наблюдают, чем прикрывают, эти обширные пространства. Тем не менее даже это препятствие эффективно блокирует дальнейшее продвижение вглубь украинской территории.

Военные корреспонденты отмечают, что в сражении на Донбассе плотность российских войск в среднем не превышает одной батальонной тактической группы на 5,5 км фронта. Это примерно в 15 раз ниже плотности, требовавшейся уставами Великой Отечественной войны. Наступление превращается в серию локальных ударов, всякий раз наносимых на ограниченную глубину. Если противнику, посредством ввода в бой резервов, удаётся стабилизировать положение, следующий удар наносится на сопредельном участке фронта. Последовательность дробящих ударов постепенно расшатывает неприятельский фронт, медленно сдвигая его на запад. Начиная с апреля, мы наблюдали это в ходе ожесточённых боёв за Попасную, Лиман,

Северодонецк, Лисичанск, Северск, Бахмут, Славянск и Краматорск.

Установившееся позиционное равновесие имеет под собой системные предпосылки и не продиктовано случайным стечением обстоятельств. Чтобы двигаться вперёд, даже слабую стену организованного огневого противодействия требуется ломать, для чего войска должны обладать достаточной пробивной силой удара. Однако в ожесточённых и кровопролитных боях на Левобережной Украине из раза в раз повторяется порочная схема Западного фронта Первой мировой войны. Наступающий, даже преодолев тактическую зону обороны, не успевает вырваться на оперативный простор до того, как обороняющийся запечатывает пробитую брешь и восстанавливает нарушенную на участке атаки систему огня.

Судя по многочисленным материалам, опубликованным в социальных сетях, объяснение происходящего чаще всего вращается вокруг одного из 4-х предположений. Во-первых, подчеркиваются ошибки, допущенные на этапе российского стратегического сосредоточения накануне 24 февраля и, следовательно, неоптимальное распределение сил между операционными направлениями. Развертывание войск в тонкую кордонную линию привело к быстрому исчерпанию резервов.

Во-вторых, западным аналитикам свойственно обвинять российскую армию в низкой тактической эффективности. Им хочется верить, что американская военная машина, гипотетически оказавшись на месте русских, легко и непринуждённо смешала бы противника с черноземом. Согласно этой версии, российская армия представляет из себя «мыльный пузырь».

В-третьих, нередко критикуется решение высшего кремлевского руководства действовать, не объявляя мобилизации, исключительно армией мирного времени

и без привлечения военнослужащих срочной службы. В результате операция была начата недостаточными силами и с недоразвёрнутыми тылами, а потому российское наступление забуксовало, едва начавшись.

В-четвертых, ряд экспертов предполагал, что современные принципы общевойскового боя не соответствуют условиям оперативной обстановки. Новомодная концепция батальонной тактической группы якобы девальвирует значение высших соединений, вызывает распыление огневых средств и создает на фронте винегрет из множества «микроармий», способных на серьезный фронтальный удар. В результате российские войска не могут преодолеть противопоставленный фронт и развить успех в глубину.

ОШИБКИ НА ЭТАПЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ

Российские военные приготовления накануне 24 февраля преследовали цель, скорее, эффектной демонстрации, нежели подготовки сокрушительного удара. Совершенно открытый, лишенный следов маскировки, характер стратегического сосредоточения свидетельствовал о том, что В.В. Путин до последнего надеялся на принятие Украиной и Западными державами минимального пакета российских внешнеполитических требований. Как можно предположить, военное решение готовилось исходя из расчёта на то, что ВСУ не окажут серьезного сопротивления, а украинские элиты примут условия Москвы.

Предположение о быстром коллапсе киевского режима не подтвердилось. Кордонная форма развертывания совершенно не соответствовала тому, с чем столкнулась российская армия на поле боя. Эксцентрическое движение одновременно по нескольким направлениям привело к быстрому исчерпанию резервов. Сумма тактических

успехов не переросла в прочный оперативно-стратегический результат. Таким образом, на первом этапе кампании Россия не сумела отправить ВСУ в нокдаун.

К началу марта российские войска растянулись от западных пригородов Киева до Николаева на разреженном фронте протяженностью 2 тыс. километров, нигде не имея соответствующего уплотнения боевых порядков, которое бы свидетельствовало о направлении главного удара. Развертывание в нитку могло быть оптимальным, прекратись организованное сопротивление в течение нескольких дней. Когда этого не случилось, стало очевидно, что российская армия не может одновременно осаждать крупные города у себя в тылу, охранять растянутые коммуникационные линии и продвигаться вглубь украинской территории.

Преждевременный выход к Николаеву и Киеву силами, которые были избыточны для наблюдения, но в то же время недостаточны для овладения городскими агломерациями, фактически исключил значительную часть полевых войск из борьбы на Донбасском направлении. Можно предположить, что именно этих 30-40 батальонных тактических групп не хватило российскому командованию для быстрого взятия Харькова и срезания Павлоградской дуги в начальной фазе операции, когда эффект внезапности был максимальным.

К исходу первой недели марта, осознав ошибку развертывания, военно-политическое руководство России принялось искать выход из положения. 30 марта начался отвод войск из-под Киева, Чернигова и Сум. Прекратились операции на Вознесенском и Криворожском направлениях в нижнем течении Днепра. Решение об отходе, хотя и было правильным, оказалось крайне болезненным с репутационной точки зрения.

Ещё в середине XIX в. Г. фон Мольке предупреждал о том, что «ошибка,

допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании» [9, с. 178]. К счастью, превосходство в воздухе и малая подвижность ВСУ позволили российскому командованию безнаказанно осуществить перегруппировку. Сокращение количества операционных направлений означало уплотнение боевых порядков российских войск на флангах так называемой Павлоградской дуги, но время оказалось безнадежно упущено. Маневренная война не возобновилась.

Ошибка развертывания, безусловно, повлияла на утрату темпов наступления, но вряд ли она объясняет весь последующий ход событий. Операции подобного размаха невозможно строить исключительно на эффекте внезапности и нокаутирующем импульсе первого удара. Даже если боевой дебют и был разыгран не лучшим образом, последующее образование относительно стабильной линии фронта и сложности на пути её сокрушения, должны иметь иное объяснение.

БОЕВОЕ МАСТЕРСТВО РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Военная репутация страны зачастую не имеет отношения к формальным рейтингам сборника «The Military Balance». Её магический ореол создается не только славой одержанных побед, но и преломлением лучей этой славы в зеркале общественного мнения. Например, военная репутация современной Индии не идёт на Западе ни в какое сравнение с израильской, хотя блистательная победа в Восточном Пакистане, одержанная в декабре 1971 г., и была беспрецедентной по числу военнопленных¹.

За исключением технического оснащения армии, то уважение, которое внушает аудитории военное могущество конкретной державы, сложно выразить в измеримых параметрах. Институционализация высшего военного управления, организация прохождения службы личным составом, квалификационные требования и методы тактической подготовки, эффективность мобилизационного аппарата, уровень военной теории и штабной культуры — всё это ровным счётом ничего не скажет обывателю. Сила образа оказывается сильнее образа силы...

На страницах истории стереотипное восприятие России в качестве азиатской орды, прикрывающейся хлипким фасадом европейского модерна, означало изображение её армии в виде «парового катка». Застарелые комплексы Европы по отношению к восточному соседу побуждали видеть в русском солдате биоробота — стойкого, но лишённого волевого начала, незнакомого с чувством ответственности и неспособного проявлять самостоятельность. Взлёты государственного могущества России, прогресс её материальной культуры, победоносные войны, в сущности, мало влияли на это предубеждение. Психологические комплексы, неважно личные или коллективные, относятся к области подсознательного, а потому эмпирика здесь бывает бессильна.

В годы холодной войны усвоенные американцами представления о негативных свойствах и качествах советской военной организации нередко повторяли оценки ветеранов германского вермахта². Для американской армии, переживавшей в 1970–1980-е гг. период глубоких

¹ После 1945 г. мир не видел единовременной капитуляции 90 тыс. чел.

² Американские офицеры, подобные полковнику Д. Гланцу, для которых изучение советских вооружённых сил было профессией, неизменно держались в стороне от этого идейного направления, однако их влияние редко выходило за пределы узких военно-исторических кругов.

структурных реформ, многократно подтвержденное на полях сражений профессиональное совершенство германской военной системы, неизменно служило вдохновляющим примером. Точка зрения бывших гитлеровских генералов была в целом созвучна тому, что американцы хотели услышать о потенциальном противнике.

Крупнейший американский специалист по теории стратегии Э. Люттвак предположил, что «представления об оцененности солдат, действующих как автоматы, может отражать всего лишь процесс дегуманизации врага, сопровождающий любой конфликт» [10, р. 194]. Однажды, в мае 1980 г. на конференции, посвящённой анализу германского боевого опыта, на вопрос американских генералов³ — имеют ли русские шанс преодолеть присущую им тактическую неповоротливость — престарелый Г. Балк, генерал танковых войск вермахта, коротко отчеканил: «это не изменится». Уточняющий вопрос — не улучшится ли качество русского человеческого материала в связи с прогрессом народного образования и ростом материальной культуры страны — генерал-майор Ф.В. фон Меллентин парировал фразой: «они — массы, мы — индивидуальности. В этом заключается отличие между русским и европейским солдатом»⁴.

Представляется, что в годы холодной войны тактическую тяжеловесность Советской армии на Западе переоценивали. Кроме того, причина предполагаемой недоразвитости определённых боевых навы-

ков зачастую интерпретировалась неверно. Опыт тотальной борьбы, в горниле которого ковались советские вооруженные силы, обладал ярко выраженной спецификой. Жертвой сопутствующих организационных деформаций чаще всего становилась индивидуальная выучка бойцов и подготовка малых подразделений.

Это легко проиллюстрировать следующим примером. В 1941 г. на километр советско-германского фронта в среднем приходилось менее одного батальона Красной армии, к концу 1942 г. плотность достигла уже 2–4 батальонов. К 1944–1945 гг. она возросла до 6–8 батальонов [11, р. 24–25]. В ходе Ясско-Кишиневской операции 1944 г. советская стрелковая дивизия в среднем атаковала на фронте 5–6 км. Однако на направлении главного удара на каждый километр фронта приходилась одна дивизия, 15–20 танков и 240 орудий [11, р. 25]. В ходе Висло-Одерской операции 1945 г. на решающих направлениях концентрация сил Красной армии возрастала до 8–10 батальонов на километр фронта. При столь плотных боевых порядках физически не оставалось места для проявления инициативы [11, р. 25]. В сражениях многомиллионных армий первостепенное значение приобретало организованное управление крупными войсковыми массами, умение безошибочно рассчитать и твердо направить к цели движение десятков дивизий и корпусов. Это до известной степени нивелировало значение мастерства отдельно взятого комбата. Навыки управления малыми

³ Наряду с заместителем начальника штаба Армии США генерал-лейтенантом Г. Отисом и представителем Объединённого комитета начальников штабов генерал-лейтенантом П. Горманом, на встрече присутствовал У. Дёпью — директор управления по разработке военной доктрины и ключевая фигура в «поствьетнамских» реформах.

⁴ Generals Balck and von Mellenthin on Tactics: Implications for NATO Military Doctrine by General William DePue (U.S. Army Ret.). BDM Corporation, December 1980. Reproduced and Edited by Reiner K. Huber Universität der Bundeswehr München, December 2004.

подразделениями и действия за пределами контроля вышестоящих штабов отрабатывались по остаточному принципу. Ориентация на тотальную войну сохранялась в советских вооруженных силах и после 1945 г.

Возможно, данная традиция стала частью коллективной психологии нашей армии, и в современных условиях её необходимо критически переосмыслить. Целевые установки военного строительства обычно подчиняются рациональным соображениям и ограничиваются в первую очередь возможностями национальной экономики, а потому на пути совершенствования армии крайне редко возникают экзогенные социокультурные препятствия. «Советская армия, — развивал свою мысль Э. Люттвак, — была укомплектована призывниками и резервистами, вполне способными рваться вперёд, но лишёнными тактического мастерства. (...) (Она) была поражена оцепенелостью, по крайней мере на нижних ступенях командования, где команды нужно исполнять независимо от того, разумны они или нет. Это не отражает ни врождённых культурных ограничений, ни официальной доктрины, которая, конечно же, призывает широко проявлять инициативу на всех уровнях. Скорее здесь сказывается фактический баланс институциональных поощрений: даже если успешная инициатива должным образом вознаграждается, наказание за ошибки, проистекающие вследствие действий, не разрешённых командованием, система-

тически строже, чем наказание за непродуктивное повиновение» [10, с. 192, 194].

Столкнувшись с близкими исходными условиями, американцы прибегли к таким оперативным формам, которые вполне перекликались с опытом Советской армии. Например, в 1991 г. в ходе войны в Персидском заливе действия подразделений допускались лишь в пределах установленных для них разграничительных линий. Вышестоящие штабы держали подчинённых под неусыпным мелочным контролем. В праве на инициативу было, по существу, отказано не только командирам батальонов, но также командирам бригад и дивизий. Все соединения управлялись централизованно и вместо смелых маневров наблюдалось последовательное движение от рубежа к рубежу. Свободное оперативное творчество начиналось с уровня штаба армейского корпуса [11, р. 35; 12, р. 269]. В этом «методическом сражении» отдельные американские батальоны были плотно стиснуты соседями слева и справа подобно гоплитам македонской фаланги. Обо всём этом не следует забывать в попытке противопоставить друг другу якобы отсталую советскую и передовую американскую традицию управления войсками в бою. Если вывести за скобки фактор общего технологического превосходства США, с точки зрения принципов, лежащих в основе боевого управления, американская армия похожа на российскую значительно сильнее, чем ей возможно хотелось бы о себе думать⁵.

⁵ В полевом уставе FM 100-5 в редакциях, соответственно, от 1976, 1986 и 1993 гг. условно германский принцип гибкого директивного управления прокладывал себе дорогу с большим трудом. Определение «Auftragstaktik» немцы использовали в качестве антитезы «Befehlstaktik». Его ближайшим американским аналогом было понятие «mission-type order». Лишь устав ADP 6-0 в редакции 2012 г. выражает основную идею этого метода с относительной полнотой [13, р. 50]. Система высшего военного управления и, соответственно, выработанные германской классической военной школой принципы воспитания и профессиональной подготовки были обусловлены комбинацией уникальных исторических условий. Американцы могли подражать внешней стороне дела, но искусственно воспроизвести интеллектуальную и культурную среду, породившую объект их восхищения, естественно, были бессильны.

Впервые за истекшие десятилетия в боях на Украине сошлись количественно и технологически сопоставимые противники. Российская сухопутная армия, относительно компактная по численности и ориентированная реформами 2010-х гг. на локальные операции в экспедиционном режиме, оказалась перед лицом полномасштабной войны с 40-миллионным государством. Совершенствование штабного управления войсками, улучшение их технического оснащения и тактической подготовки, поиск оптимальной организационно-штатной структуры подразделений — всё это потребует принципиальной работы над ошибками.

ВОПРОС МОБИЛИЗАЦИИ

Современная российская армия в организационном отношении отказалась от традиционного кадрово-резервного принципа и вот уже почти 15 лет существует в режиме постоянной боевой готовности. Кадрированные дивизии, в которые при развертывании их до полной штатной численности должны были вливаться поднимаемые в ружье резервисты, давно расформированы. Обученный запас номинально существует, но резервных соединений сокращённого состава, которые в случае мобилизации должны его абсорбировать, в российской армии нет [14, 15]. Однако, если вооруженный конфликт неожиданно выходит за определённый масштаб, относительно немногочисленная армия постоянной готовности рискует не справиться с возложенным на неё объемом боевых задач⁶. При этом в распоряжении военно-политического руководства страны нет механизма быстрого наращивания её численности. Именно это и происходит сейчас на Украине.

Относительное техническое превосходство не могло компенсировать количественную слабость российских сухопутных войск и ВДВ. Как известно, с началом войны российская авиация добилась превосходства в воздухе, но оно не переросло в тотальное господство, означающее полное прекращение боевой активности ВВС противника. В этом смысле ситуация напоминает не «Бурю в пустыне» или Иракскую кампанию США в 2003 г., но скорее положение израильской авиации на исходе войны Судного дня 1973 г. или ВВС Индии в конце войны 1971 г. на Пакистанском фронте. Тогда, даже проиграв войну в воздухе, побеждённая сторона сохраняла техническую способность поднимать в небо оставшиеся у неё самолёты и вертолёты.

Согласно оценочным данным, действительный предел интенсивности боевой работы составляет для российской авиации 200–300 самолётывылетов в сутки. Очевидно, это много ниже объективной потребности. Поскольку ПВО противника остается неподавленной, невозможно обеспечить и полную изоляцию театра боевых действий. Иногда это вынуждает расходовать дорогостоящие крылатые ракеты для ударов по явно второстепенным целям. Насколько можно судить, украинская оборона держится главным образом на силе артиллерийского огня. Нехватка беспилотных летательных аппаратов значительно сокращает возможности тактической разведки и снижает эффективность контрбатарейной борьбы.

По мнению И. Топчего, в интернет-сообществе существует расхожее заблуждение, что на Украине 150 тыс. российских войск якобы сражается против 600 тыс. украинских. К началу войны ВСУ насчи-

⁶ Кашин В.Б. Первая большая война XXI века // Россия в глобальной политике. 22.06.2022. <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-bolshaya-vojna-xxi-veka/?ysclid=15wbk0taeg759731441> (дата обращения: 10.07.22)

тывали 209 тыс. чел. Помимо них, в составе сил территориальной обороны имелось ещё 102 тыс. чел., в национальной гвардии и прочих военизированных формированиях — до 130 тыс. чел. Всего 430–440 тыс. чел., из которых около 100 тыс. чел. относились к гражданскому персоналу. Если судить по официальным данным Киева, до конца апреля 2022 г. тремя последовательными волнами мобилизации в ряды вооруженных сил было влито 190 тыс. чел. При этом потери, согласно различным оценкам, составляли примерно 40–50 тыс. чел., не считая 20–30 тыс. дезертиров. Таким образом, по результатам всех мобилизационных мероприятий к началу мая в строю должно было оказаться примерно 550 тыс. чел. С 15 мая предполагалась 4-я волна мобилизации, в ходе которой украинское командование рассчитывало призвать от 70 до 100 тыс. чел. К лету, таким образом, численность людей в строю ориентировочно должна была составлять 620–650 тыс. чел. Активных штыков среди них было примерно 150 тыс. чел. или 25 %, в том числе в составе хорошо слаженных подразделений не более 60–70 тыс. чел или 10 % общего состава сил на бумаге⁷.

До тех пор, пока официальные документы военного планирования не станут доступны исследователям, мы не сможем в деталях реконструировать процесс боевого развертывания российской армии в преддверии событий 24 февраля. Опираясь на косвенные данные, известные главным образом по социальным сетям, а потому принципиально не верифицируемые, ряд экспертов предполагает, что скрытый

призыв резервистов и набор контрактников начались ещё в начале года.

Как полагает И. Топчий, к началу войны Россия сосредоточила на границе 190–200 тыс. чел., включая резервистов. Тыловые подразделения, где после перевода этих служб на внешний контракт преобладал гражданский персонал, насчитывали 170–200 тыс. чел. В рядах флота и ВКС имелось ещё 70–80 тыс. чел. Росгвардия без тылов насчитывала 60–70 тыс. чел. Войска ЛДНР после мобилизации могли выставить несколько десятков тысяч человек вместе с тыловыми подразделениями. В совокупности, вместе с тылами и гражданским персоналом, это давало примерно 700–800 тыс. чел. Однако количество активных штыков среди них вряд ли превышало 120–150 тыс. чел., из которых примерно половина приходилась на войска ЛДНР. Дополнительные мобилизационные мероприятия, проводимые с февраля по май, вызвав сопутствующий рост тылов, позволили довести численность российских войск и народной милиции ЛДНР почти до миллиона, хотя число активных штыков едва ли превысило 150–200 тыс. чел⁸.

По всей видимости, дальнейшее количественное наращивание российской группировки будет осуществляться не за счёт крайне затратного по времени формирования новых частей и соединений с нуля, но посредством насыщения активными штыками действующих организационных структур. По его мнению, речь идёт об увеличении отделений с 6–7 до 11–13 чел. и добавлении четвертых отделений во взводы. С учётом имевшегося к началу войны некомплекта, это способно удвоить

⁷ Топчий И. Мобилизация в России и на Украине. Вопросы реального потенциала сторон. 10 мая 2022 г. <https://boevojlistok.ru/34550-mobilizacija-v-rossii-i-na-ukraine-voprosy-realnogo-potenciala-storon.html>. (дата обращения: 10.07.2022).

⁸ Там же

количество активных штыков по сравнению с исходным значением. Добавление четвертых взводов в роты с учётом четвертых отделений во взводах гипотетически доводит их численность до 200–250 тыс. чел. Ввод четвертой роты в батальон увеличивает последний до тысячи чел. Расформирование батальонных тактических групп, возврат артиллерии и танков обратно в подчинение полков, бригад и дивизий, а также ввод третьих батальонов непосредственно в соединения, действующие на театре войны, добавляет ещё 70–80 тыс. активных штыков. При этом бригады и дивизии получают численность, соответственно, 5–6 и 15–25 тыс. чел. С учетом привлечения вспомогательного гражданского персонала появится возможность нарастить боевой потенциал до 1,5 млн чел., в том числе 400–500 тыс. активных штыков. В перспективе это обеспечит подавляющее превосходство в силах над ВСУ⁹.

В отличие от обеих мировых войн, стратегическое развертывание российских войск накануне 24 февраля не было связано с взрывной одноактной мобилизацией. Соответственно, дальнейшее увеличение боевых сил по ходу развития вооруженного конфликта также будет иметь мало общего с «перманентной мобилизацией», описанной в трудах А.А. Свечина [1, с. 131–134].

Проблема недостатка сил не имеет какого-то волшебного решения. Наиболее реальной перспективой остается сильно растянутая во времени «паллиативная мобилизация», общую схему которой описал в своей статье И. Топчий. Поскольку «вооруженные народы» и социальная концепция «гражданина-воина» принадлежат иной эпохе, маловероятно, что Украина станет ареной противостояния двух массовых армий. Однако,

приспосабливаясь к условиям театра, изначально компактные по численности полевые армии, будут вынуждены постепенно расширять свои ряды.

О БАТАЛЬОННЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ГРУППАХ

На войне руководство боем требует от командных инстанций гармоничного сочетания гибкости и централизации. Излишняя централизация способна парализовать управление войсками, тогда как чрезмерная гибкость перерождается в тактическое бессилие по причине дефицита ударной мощи. Концепция батальонной тактической группы (БТГ) в теории придавала подразделениям неограниченную пластичность, но она же была чревата распылением огневых средств и уменьшением силы фронтального удара, необходимого для преодоления устойчивой обороны. Иными словами, в избыточных дозах даже хорошее лекарство может стать ядом.

Скептики подчеркивают, что, слепо придерживаясь ложной концепции БТГ, российская армия, вместо стального молота, пытается оглушить противника игрушечной поролоновой кувалдой. Ситуация ещё более усугубляется вследствие технической слабостью разведки и систем боевого управления. В этой связи необходимо рассмотреть два вопроса: 1) имеются ли в концепции БТГ некие принципиально неустраняемые недостатки, которые может быть не проявлялись в прошлом, но дали о себе знать в настоящее время и 2) способна ли российская армия следовать данной концепции или же она просто не доросла до неё, так как организация эффективных БТГ требует качества, доступного лишь западным армиям.

Ретроспективный анализ показывает, что уже в эпоху Второй мировой войны об-

⁹ Там же

щевойсковой бой носил преимущественно комбинированный характер. Знаменитые кампфгруппы германских танковых дивизий на протяжении всей войны строились по смешанному принципу. В различных комбинациях в зависимости от требований обстановки танковые, мотопехотные и разведывательные батальоны, а также артиллерийские дивизионы, распределялись между боевыми управлениями полков. Близкими по структуре на втором этапе войны были и советские механизированные корпуса, состоявшие из бригад. Батальоны выступали в качестве универсальных строительных кирпичиков, из которых собирались боевые группы. Сами батальоны в германской и советской армии старались не дробить, хотя из любых правил, естественно, делались исключения.

Если говорить об американской армии, то в её пехотных дивизиях полковые боевые группы также собирались из гомогенных батальонов. Однако в организации танковых дивизий уже с 1942 г. проступали ростки будущей концепции БТГ. В годы Второй мировой войны основная масса американских танковых дивизий имела по 3 танковых и 3 механизированных батальона, которые в зависимости от требований обстановки наряду с артиллерией и вспомогательными подразделениями в различных пропорциях распределялись между 3 боевыми группами (combat command) [2, р. 48]¹⁰. В свою очередь эти боевые группы распадались на две батальонные группы (task force), роты внутри которых были перемешаны [2, р. 49]. Таким образом, предметом выбора оставалось лишь то иерархическое звено в командной цепочке, на котором подразделение из гомогенного должно

было превратиться в смешанное: батальон или полк/бригада.

В масштабе всей американской армии принцип батальонных тактических групп распространился в результате реформы 1963 г. и внедрения «реорганизованных общевойсковых дивизий новой структуры»¹¹. Бригады нового типа отныне переставали быть постоянными соединениями и превращались в штабные управления, которым в различной комбинации придавалось от 2 до 5 батальонов дивизии [2, р. 61].

Внутри американской бригады «battalion task forces» представляла собой танковый или механизированный батальон с одной или несколькими ротами, прикреплёнными к эквивалентному батальону другого подразделения [2, р. 62]. Таким образом батальонная группа состояла из смеси танковых и механизированных рот. Основываясь на том же принципе, отдельные роты внутри сформированной батальонной тактической группы могли объединять танковые и механизированные взводы, в результате чего подразделение получало название ротной тактической группы или «company team» [2, р. 62]. Концепция ротной тактической группы в американской армии не прижилась, в середине 1980-х гг. от неё официально отказались [2, р. 82]. БТГ же с тех пор сделалась основой боевой организации, благополучно пережив как реформу 1986 г., так и волны последующих преобразований.

Итак, в сухом остатке сам по себе принцип БТГ не плох и не хорош. Смешанные боевые группы, собранные из гомогенных батальонов внутри полков и бригад, или же смешанные батальонные группы, собранные из гомогенных рот, воплощают один и тот же организационный принцип.

¹⁰ По сути, это были прообразы будущих бригадных боевых групп.

¹¹ Сокращенно: ROAD (Reorganization Objective Army Divisions).

Концепт БТГ превращает линейный батальон в «микроармию» из танков, мотопехоты, артиллерии, разведывательных и вспомогательных подразделений.

Появление батальонных тактических групп в российской армии было продиктовано, во-первых, опытом локальных конфликтов, во-вторых, многократным сокращением количества высших соединений и, в-третьих, хронической проблемой некомплекта людей в строю. Судя по штабной документации, захваченной ВСУ и впоследствии опубликованной в украинских социальных сетях, российские БТГ, пересекавшие границу 24 февраля, в ряде случаев создавались формально-механически и без учета потребности тесного взаимодействия в бою. Настоящим бедствием оказалась общая несбалансированность их состава. Этот организационный порок, очевидно, не был связан с качеством технического оснащения.

Например, разбитая противником в начале марта БТГ 1-го танкового полка 2-й Таманской мотострелковой дивизии состояла из трёх танковых рот, четырёх буксируемых гаубиц и единственного мотострелкового взвода. При этом опыт локальных конфликтов однозначно доказывал, что оптимальная пропорция танковых и мотострелковых рот¹² в БТГ достигается при соотношении 1:1. В этой связи отмеченная наблюдателями тенденция к скученному расположению российской техники, приводившая к тяжёлым потерям от артиллерийского огня, получает вполне конкретное объяснение. Если на 31 танк приходилась неполная гаубичная батарея и всего лишь 25 чел. пехотного сопровождения, этого не могло хватить даже для охраны техники на привалах, не говоря про обеспечение танков в бою. Естествен-

но, на пересеченной местности лишённые прикрытия танкисты инстинктивно жались друг к другу и становились легкой мишенью для артиллерии и противотанковых комплексов противника. Называя вещи своими именами, командование загнало в сумские леса, по сути, гомогенный танковый батальон, и его обозначение в качестве БТГ было простой канцелярской формальностью. Последовавшая неудача вполне закономерна.

Сравним злополучную БТГ Таманской дивизии с типичной американской, которая в ходе Иракской кампании находилась на острие наступления 3-й механизированной дивизии и 2 апреля 2003 г. первой форсировала Евфрат. БТГ была образована вокруг 3-го батальона 69-го танкового полка под командованием подполковника Э. Марконе. В неё входили две танковые роты на M1A1 «Абрамс», две механизированные роты на БМП M2A2 «Брэдли», инженерная рота, разведывательный взвод и взвод из четырёх 120-мм самоходных миномётов. Кроме того, в ходе боя БТГ 3–69 поддерживал полнокровный артиллерийский дивизион, то есть три 6-орудийные батареи САУ M109A6 «Палладин» [16, р 289]. В данном случае, это действительно «микроармия», снабжённая мощным артиллерийским кулаком, имеющая собственные глаза и уши, способная не только энергично наступать, но и упорно оборонять захваченное.

Практику формирования заведомо небоеспособных БТГ, конечно, легче всего списать на вредительство и преступную некомпетентность, но, как мне представляется, здесь можно выдвинуть минимум два рациональных объяснения. Во-первых, наши устаревшие уставы и тактические наставления, написанные для многомиллионной

¹² Считая в этом качестве также разведывательные подразделения.

армии, как было отмечено выше, затрудняют гибкое применение подразделений ротного-батальонного звена. Во-вторых, многое упирается в острый некомплект людей в строю армии «нового облика». Её содержание в режиме постоянной готовности, то есть близко к полному штату военного времени, с учётом новых дивизий, образованных после 2014 г., потребовало бы развернуть в рядах сухопутных войск и ВДВ не 350 тыс. чел., а 500–600 тыс. чел. На такую нагрузку российский военный бюджет не был рассчитан. Некомплект создавал затруднения, в чём-то напоминавшие ситуацию в израильском цахале на рубеже 1960–1970-х гг. На фоне перегруженности армии танками в ней остро не хватало мотопехоты, которая, ввиду ограниченности демографических ресурсов страны, комплектовалась личным составом по остаточному принципу. Отсутствие политического решения о мобилизации не имеет прямого отношения к подобным дефектам военного строительства.

Итак, неудачна не столько концепция БТГ, сколько её практическая реализация российской армией. Но даже в том случае, если бы тактические группы создавались разумно и целесообразно, они бы вряд ли предотвратили установление позиционного тупика. На любой войне организационная форма так или иначе всегда приспособляется к тактическим условиям. Превращение батальонов в «микроармии» обусловлено главным образом низкой оперативной плотностью фронта. Вновь сделать войну маневренной без значительного увеличения боевых сил, по всей видимости, невозможно. Вооруженный фронт врага не может рухнуть «по шучьему веленью». Если завтра волевым решением расформировать БТГ, плотность боевых порядков от этого не изменится. Следовательно, практической альтернативой БТГ

остаётся лишь образование полноценных дивизий и бригад, что позволит централизовать управление огнём и увеличить пробивную силу удара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев гипотезы, сформулированные во Введении, можно убедиться в том, что установившийся на фронтах позиционный тупик не имеет какого-то одного универсального объяснения. Хотя ракетно-ядерный маятник по-прежнему не даёт спирали эскалации раскрутиться, перспектива затяжной войны становится всё более реальной.

С самого начала эта кампания оказалась разбавлена изрядной долей контртеррористических действий с элементами операции по освобождению заложников. Насколько можно судить, оперативные расчёты по-прежнему содержат в себе примесь посторонних соображений. К сожалению, погрешность исходных политических вводных вызвала к жизни неадекватные оперативно-стратегические решения. Ошибки развёртывания ослабили силу первого удара, и не позволили извлечь из него всех потенциально возможных преимуществ, но эти недостатки едва ли повинны в низких темпах наступления на последующих этапах операции.

Погоня за дешёвыми PR-эффектами, имитационные моменты в боевой учёбе и, как следствие, общая тактическая запущенность российских войск, естественно, не делают чести высшему армейскому руководству. Однако все истинные и мнимые ошибки, допущенные в ходе военного строительства последних 15 лет, опять же лишь косвенно влияли на цементирование линии фронта и установление позиционного тупика.

Обвинять же во всех бедах концепцию батальонной тактической группы не приходится, поскольку БТГ — это всего лишь

форма организационной адаптации армии к существующим оперативно-тактическим условиям. Гипотетическое удвоение числа батальонов восстановит значение высших соединений и покончит с наиболее болезненными недостатками БТГ.

Достаточно неожиданным открытием в области военной теории является то, что относительно стабильный фронт возникает как вследствие перенасыщения театра войсками, так и в результате обратной крайности. Однако, в отличие от Первой мировой войны, сегодня на пути восстановления манёвренности нет непреодолимых технологических преград. Проблема позиционного фронта пока ещё допускает экстенсивное, то есть чисто количественное решение.

В связи с устоявшимся на линии фронта относительным позиционным равновесием прогноз дальнейшего развития боевых операций, а также принципиальный ответ на вопрос о границах возможного в конечном итоге зависит от темпов формирования частей и соединений второй линии. Очевидно, тема накопления резервов является в России одним из наиболее тщательно охраняемых секретов. До тех пор, пока «паллиативная мобилизация» не склонит чашу весов в пользу Москвы, высшее военно-политическое руководство вынуждено строить прогрессию локальных тактических успехов, конструируя тем самым благоприятный информационный и стратегический фон затянувшемуся ожиданию решительной победы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Свечин А.А. Стратегия. Москва: Военный вестник; 1927. 265 с.
2. McGrath J.J. The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army. Fort Leavenworth. Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 240 p.
3. Lupfer T.T. The Dynamics of Doctrine. The Changes in German Tactical Doctrine during the First World War. *Leavenworth Papers*. 1984;7:73.
4. Иссерсон Г.С. Эволюция оперативного искусства. Москва: Госвоениздат; 1934. 71 с.
5. Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. Москва: Воениздат; 1940. 76 с.
6. Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. Изд. 3. Москва: Госвоениздат; 1936. 259 с.
7. Варфоломеев Н.Е. Ударная армия. Москва: Госвоениздат; 1933. 203 с.
8. Вольпе А.М. Фронтальный удар. Москва: Госвоениздат; 1931. 389 с.
9. Стратегия в трудах военных классиков. Т.2. Москва: Высший военно-редакционный совет; 1926. 288 с.
10. Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. Москва; Университет Дмитрия Пожарского; 2012. 390 с.
11. Eisel IV G.W. Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us? School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: First Term AY; 1992. 51 p.
12. Leonhardt R. The Art of Maneuver. Maneuver Warfare Theory and AirLand Battle. Navato, CA: Pressido Press; 1991. 315 p.
13. Gunther M.J. Auftragstaktik: The Basis for Modern Military Command? Unites States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: AY; 2012. 61 p.
14. Новая армия России. Москва: Центра анализа стратегий и технологий; 2010. 168 с.
15. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Военная реформа России: состояние и перспективы. Москва: Московский Центр Карнеги; 2013. 79 с.
16. Fontenot G., Degen E., Tohn D. On Point. The United States Army in operation Iraqi

Freedom. Washington DC. Office of the Chief of Staff US Army, Fort Leavenworth,

Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 540 p.

REFERENCES:

1. Svechin A.A. Strategy. Moscow: Military Bulletin; 1927. 265 p.
2. McGrath J.J. The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army. Fort Leavenworth. Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 240 p.
3. Lupfer T.T. The Dynamics of Doctrine. The Changes in German Tactical Doctrine during the First World War. *Leavenworth Papers*. 1984;7:73.
4. Isserson G.S. Evolution of Operational Art. Moscow: Gosvoenizdat; 1934. 71 p.
5. Isserson G.S. New Forms of Struggle. Moscow: Voenizdat; 1940. 76 p.
6. Triandafillov V.K. The Nature of Operations of Modern Armies. Ed. 3. Moscow: Gosvoenizdat; 1936. 259 p.
7. Varfolomeev N.E. Shock Army. Moscow: Gosvoenizdat; 1933. 203 p.
8. Volpe A.M. Frontal Assault. Moscow: Gosvoenizdat; 1931. 389 p.
9. Strategy in the works of military classics. Vol. 2. Moscow: Supreme Military Editorial Council; 1926. 288 p.
10. Luttwak E. Strategy. The Logic of War and Peace. Moscow; Dmitry Pozharsky University; 2012. 390 p.
11. Eisel IV G.W. Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us? School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: First Term AY; 1992. 51 p.
12. Leonhardt R. The Art of Maneuver. Maneuver-Warfare Theory and AirLand Battle. Nava-to, CA: Pressido Press; 1991. 315 p.
13. Gunther M.J. Auftragstaktik: The Basis for Modern Military Command? Unites States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: AY; 2012. 61 p.
14. The New Army of Russia. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies; 2010. 168 p.
15. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. Military Reform of Russia: Status and Prospects. Moscow: Carnegie Moscow Center; 2013. 79 p.
16. Fontenot G., Degen E., Tohn D. On Point. The United States Army in operation Iraqi Freedom. Washington DC. Office of the Chief of Staff US Army, Fort Leavenworth, Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 540 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей А. Кривопапов, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23;

krivopalov@centero.ru

Alexey A. Krivopalov, PhD in History Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation;

krivopalov@centero.ru